

ГАЛИНА ЧЕРЕДИЙ

ИЛЬЯ
И ЧЁРНАЯ
ВДОВА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Галина Череди́й

Илья и черная вдова

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72599770

SelfPub; 2025

Аннотация

Женщина, что поставила крест на себе из-за злых языков и походя растоптанных чувств.

Мужчина, жестоко раненный и телом, и душой и преданный, но не ведающий, что случайно предал и сам.

Одна мимолетная близость давно.

Жизнь сведет их снова. Вот только для чего?

В книге присутствует нецензурная брань!

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	14
Глава 3	24
Глава 4	31
Глава 5	42
Глава 6	53
Глава 7	61
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Галина Череди́й

Илья и черная вдова

Глава 1

За пять лет до описываемых событий

– Валентина, ты чего это, совсем, что ли, из ума выжила? – не слишком-то стремясь к приватности, громко зашептала тетя Света, мамина подруга, косясь при этом на меня. – Зачем ты Инку-то сюда работать притащила? Головой-то соображаешь, что делаешь?

Конечно, все мама понимала и даже со мной все обсудила, вынудив смириться, пусть и без особой радости. Но при чем тут радость, когда сталкиваешься с суровой правдой жизни и проклятой кармой, что, похоже, намертво пристала к нашей маленькой семье.

– Прекрасно соображаю, Свет, – ответила мама, улыбнулась мне ободряюще, кивнув заканчивать с полами в коридоре, и тут же погрустнела и вздохнула. – Сама ты знаешь, что за слава за Инкой уже идет в поселке, а тут хоть не слышал об этом никто. Да и куда еще работать ее пристроить? Совхоз развалился, школа вон и то закрылась. На теплицы к этому Варганяну? Так все знают, как он с девками-работ-

ницами смазливыми обращается. А тут хоть поприличнее.

– Скажешь тоже – поприличнее! – фыркнула тетя Света, сильно понизив голос. – Вокруг одно мужичье раненое, одинокое да сплошь голодное от того. Уж если и на таких, как и мы с тобой, бывает ведутся, то на девчонку молодую да смазливую... Дурость ты задумала, Валька! Лучше бы в город отсылала, честное слово!

– А в городе твоём что? Жить негде, даже на первое время приткнуться-осмотреться не у кого. На вокзале жить и работу так искать? Так знаем мы все, куда в первую очередь девчонки работать там тянут. Сами же менты тамошние в бордель какой и сдадут. Вон у Машки дочка уехала и год уже как сгинула, ни слуху ни духу. А у Смирновых приезжает, да, но ходят, глаза поднять стыдно после ее приездов, такая прости господи стала. Нет уж, лучше пусть Инка тут.

– Ага, тут. Смотри, мужичье, оно глазастое и рукастое.

– Инка у меня серьезная и жизнью уже битая, хоть и молодая, да и я присматриваю. Силком же никто не потянет, а сама она не пойдет, голова уже на плечах есть, не шестнадцать небось.

– Да как же! У всех у нас она есть, да только бывает между ног свербит сильнее, чем в голове этой варится. Да и попадаются тут умельцы, не нашим колхозным пенькам неотесанным чета. Языки так подвешены, что и сама не поймешь, как уже на спине лежишь. А то сама не в курсе!

– Цыц ты уже! – шикнула на подругу мама и велела мне: –

Инк, ты иди, иди, нечего тебе наш бабский бубнеж слушать. Там еще две палаты недомытые стоят.

Я и пошла, прихватив ведро с остро пахнувшей водой и швабру. И не просто пошла, а почти побежала, поняв, что сегодня впервые смогу увидеть его без мельтешащей за спиной матери. Сердце замолотило так, что даже притормозить пришлось, чтобы отдышаться и не выдать никому вокруг своего трепета.

– О, Иннуша, ты к нам? – в коридор вышел Яков Петрович, высокий, статный, еще совсем не старый, но уже с сединой на висках.

Я не знала, в каком он звании, остальные мужчины звали его просто «командир», в курсе была только, что все трое обитателей этой десятой палаты реабилитационного центра служили вместе на Кавказе и там же вместе попали в жуткую переделку, после которой и долечиваются у нас.

– Да, у меня только вы и одиннадцатая остались на утро, – кивнула ему, стремясь поддержать беседу и отвлечься тем самым от желания заглянуть внутрь за его спину, а то и рвануть туда.

Но вместо того чтобы пропустить меня в палату, Яков Петрович прикрыл дверь, взял у меня ведро и чуть оттеснил подальше.

– Ты это, Инуш... Потише там шуруй, ладно. Илюхин угол и вовсе лучше сегодня обойди. Не в себе он немного сегодня, – сказал он шепотом, глядя мне в лицо как-то очень-о-

чень пристально, как-то не так, как раньше.

– Что-то случилось? – выпалила и тут же смутилась. Наглость же. Не мое это дело.

– Со всеми нами тут что-то случилось, птичка-невеличка, – помрачнел мужчина окончательно. – Вот как тебя такую мелкую да светлую в это место занесло-то? Разве такой молодой место среди покалеченных да битых войной на голову?

– А что же, только пожилым с таким дело иметь надо, что ли?

– Не пожилым, Иннуш, просто тем, кто жизнь повидал уже хоть чуток и сердцем немного зачерствел. Не до безразличия, конечно, но так, чтобы самому об нас не раниться. А то я видел вчера, как ты на парней наших смотришь, чуть не плачешь. Вон на Илюху особенно.

– А как не смотреть-то, Яков Петрович? – изумилась я. – Они же люди живые, и я человек, им больно – и у меня душа ноет.

– Вот, – покачал он головой, глядя с упреком. – Хорошего не будет, птичка. Сердце себе все истреплешь. Ладно, задерживаю тебя. Иди, заканчивай, а ближе к вечеру у меня к тебе и матери твоей разговор будет.

– Яков Петрович! – шепотом окликнула его, уже развернувшегося, совершенно пропустив мимо ушей последнее. – А можно мне узнать, что у Ильи случилось?

Ну вот, теперь еще подумает, что я какая-то стервятница

и хочу сплетнями разжиться свежими.

– Случилось плохое, птичка. Самое худшее, что с мужчиной только может, да еще в такой момент. Жена его предала. Да не просто, а с самым подлым подвывертом, гадина такая.

– Это как?

– А развелась она с ним, пока он по госпиталям валялся. И мужика себе нашла забугорного и с ним валить собралась из страны. Обрыдла ей нищета наша, видишь ли. И дочку еще забрать собралась, за тем с ней вчера вечером и прилетела из дому. Илюха обрадовался – думал, наконец навещать примчались, хоть и с опозданием. А эта стервь поганая даже из машины не вышла, пряталась, ребенка одного к нему послала. Просить бумаги подписать на выезд. А та и просила, наученная ведь. Мол, отпусти, папочка, у меня там перспективы, учеба престижная, дом большой красивый, жизнь достойная, а тут один мрак. Илюху к месту и приморозило, даже с койки встать не смог мужик. Бумаги не глядя подмахнул, мелкая его в щеку чмокнула и усвистала, а он как лег лицом к стене, так и лежит с того времени. Они же с этой его Наташкой со школы еще гуляли, сразу после нее и поженились и дочку прижили. Он у нас кремень, налево и не глядел никогда, дурень такой. А если бы глядел, все сейчас легче было бы. Ну, Иннуш, не плачь, птичка. Илюха крепкий и это сдюжит, мы рядом тем более. Сегодня вечерком, как врачи да начальство домой отбудут, закатим посиделки чисто мужицкие, и завтра оживать начнет, вот посмотришь.

Он пропустил меня, уходя по коридору, а я, живо утерев глаза рукавом халата, проскользнула внутрь и прилипла глазами жадными к широченной спине мужчины, при виде которого с самого первого взгляда у меня земля из-под ног ушла.

Много чего в нашем мире сказано-написано о любви с этого первого взгляда, но только ничто из этого, услышанного и прочитанного мною в достатке, не подготовило меня к этой встрече.

Шла себе неделю назад, как обычно, матери на работе нелегкой ее помочь, как сто раз до того, солнце июньское глаза слепило, да так, что налетела на резко повернувшего на аллею мужчину, не заметив его вовремя. Чуть не упала назад, но он подхватил сразу под оба локтя, прижав на секунду к своей груди. Я испуганно вскинула голову, открыв рот извиниться, да так и обмерла, нарвавшись на взгляд его темных-темных глаз. Боженька, прости мою душу грешную, которая, показалось, в тот момент прямиком в рай и рванула, что же это за глаза! Он и полсекунды, наверное, в мои не смотрел, а почудилось – всю меня прежнюю досуха выпил, а вместо того собой до краев заполонил.

– Извините меня неуклюжего, – пронесся ожогом по моим обнажившимся для него нервам его голос, и мужчина отступил. Забирая у меня все и сразу: взгляд, прикосновение, аромат, что вдохнула и не выдыхала за время этого мимолетного контакта. Обездолил совершенно и, не заметив даже

этого, пошел дальше.

А я стояла истуканшей и пялилась ему вслед так неотрывно, что он, видать, почувствовал это и обернулся. И только тогда я и заметила жуткие свежие, недавно зажившие шрамы у него через все лицо и на горле, как если бы кто-то...

Ахнула, невольно в ужасе прикрыв ладонью рот чисто по-бабски, а он нахмурился, отвернулся и похромал по аллее гораздо быстрее.

А я с того времени ни единой ночи толком не спала, только веки прикрою – и снова во взгляде его купаюсь, что был исключительно моим, пусть и считанные мгновения, но был же. У меня и в первый раз с Денисом так не было. Влюблены были, и голова кругом, и ночами вертелась, и от поцелуев все обмирало и полыхало. Но такого...

Мать меня насчет работы официальной в центре уговаривала и раньше, я колебалась, а тут чуть не бегом сама была готова. И конечно, узнала сразу, что зовут моего темноглазого Илья Горюнов, майор из горячей точки. Пострадал, сказали, сильно, в плен к боевикам попал с сослуживцами, там издевались и казнить хотели. Но в последний момент их как раз Яков Петрович и вытащил, нарушив какие-то там приказы командования. За то их все по-тихому и отправили в отставку, еще пока долечивались. И что женат Илья, я узнала. Да только какая мне разница? Я же ни на что и не претендовала, мне на него просто смотреть мельком и издали было достаточно. У меня в эти моменты словно душа ожива-

ла, отчаяние давнее просветлялось, а что там с моим телом творилось, особенно ночами наедине с собой, – то никого не касается, и оно только мое. Трогать чужого мужа – грех, а мечтать, не приближаясь, кто же меня за такое упрекнет?

Я протерла полы во всей палате и к его кровати подкралась на цыпочках. Заглянула на лицо и отшатнулась, увидев, что глаза у него открыты. Помялась с ноги на ногу, вытерла дрожащую ладонь об халат и коснулась самыми кончиками пальцев его плеча.

– Илья, все будет у вас хорошо! – выпалила и испугалась.

Господи, дура же я какая беспардонная! Чего полезла вообще? У человека жизнь прахом пошла, а я тут... что? Возомнила, что шанс впереди забрезжил? На что? Он же меня и в упор не замечал эти дни. Другие мужчины кто просто болтал из вежливости, кто даже подкатывал, не особенно скрывая это, а он же, кроме здрасте, ничего. А я... Ну точно стервятница, что почуяла возможность поживиться на горе его по горячим следам. Низко это как, Инка!

Схватив ведро и швабру, я вылетела из палаты и умчалась в комнату отдыха, откуда и носа не высовывала уже до вечера.

– Инка, ты сегодня не задерживайся тут, дочь, – сказала мама, когда закончилась вся вечерняя суета.

– Но у меня же смена суточная, – удивилась я.

– Так и есть, но сегодня не надо тебе тут быть. Мужики вон Горюнову из десятой их фирменную реабилитацию зака-

тить собрались. Начальство и даже дежурный врач отбыли, а им вон приятели уже ящик коньяка привезли, да закуски всякой, столы накрывают. А часам к десяти и девок вызовут из города. Так что, тебе на такое смотреть не надо еще. Давай, домой собирайся, мы с тетей Светой сами сегодня, а ты как раз на последний автобус до поселка успеешь.

– А вам не страшно? – пробормотала, чувствуя, что руки и ноги немеют, и сердце бьется все реже, еще чуть – и остановится.

Темноглазому Илье друзья закажут девок, и он станет...

И это совершенно не мое дело. Правильно даже. Вот так мужики свои раны и лечат, мама говорила и раньше о таком и о том, что местное руководство на загулы вояки на реабилитации смотрит сквозь пальцы. Взрослые мужчины, травмированные морально и физически, они нуждались в подобном. И меня это не касается. Нужно уйти, а завтра ничего не будет напоминать о том, что чужие руки касались того, из-за кого я неделю хожу как в дурмане.

– Да чего бояться, дочь!

– А? – я совершенно потеряла нить разговора.

– Говорю, бояться нечего, Инуш. Они пьют хоть и крепко, но меру в большинстве свою знают. А если кто и разоидется, то остальные всегда придержат и уговорят. Езжай, не волнуйся.

До остановки автобуса я не шла – неслась, подгоняемая гадкими картинками в воображении, убегая от них.

Но чертов транспорт ушел буквально перед моим носом, хотя по расписанию до него должно было остаться еще пять минут. Последний рейс, да между поселками, кто там соблюдает точно его. Еще целый час я проторчала на дороге, ожидая попутку, пока совершенно не стемнело. Смирившись с неизбежностью, я пошла обратно к санаторию. Дверь в прачечную всегда открыта, переночую там. От главного корпуса достаточно далеко, и прилечь там есть где.

На подходе к зданию, едва свернув за угол, заметила фигуру высокого крупного мужчины, стоявшего оперевшись рукой в стену и покачиваясь. Замерла на месте, стараясь не выдавать своего присутствия. Вдруг он вскинул безвольно повисшую голову, и в свете фонаря блеснули глаза, укравшие мою душу.

Я не могла и слова вымолвить, и снова видела только его глаза, не шрамы, не мир вокруг, а Илья смотрел на меня, смотрел, не отрываясь, и вдруг улыбнулся, отбирая остатки адекватности, и протянул руку, нежно прошептал:

– Малыш, вернулась все же. Иди ко мне.

И я пошла-упала к нему и в него.

Глава 2

Те самые лихие девяностые (пять лет спустя)

– Табак! Все, хорош, вылезай из воды! – крикнул я своему здоровяку алабаю, что не столько помогал рабочей выжловке собирать подбитых уток в камышах, сколько просто наводил суету и буянил от радости, поднимая тучи грязных брызг.

Махорка тем временем с деловым видом вылезла на берег с последней добытой тушкой в зубах и отряхнулась. Дурачина Табак подскочил к ней в три здоровенных прыжка, пытаюсь, как обычно, втянуть в игру, но умница пойнтерша подняла хвост жесткой палкой вверх и задрала справа губу, предупреждая зарывчав, не разжимая зубов с птицей. У нее не забалуешь, так-то добрая и игривая, но на работе никаких вам шалостей.

Возмущенно скульнув, молодой балбес, что уже и сейчас был выше ее в холке сантиметров на пятнадцать и на столько же кэгэ тяжелей, припал на передние лапы и опустил на те лобастую башку, демонстрируя покорность. Махорка, удовольствовавшись этой воспитательной мерой, задрала голову с ношей повыше и потрусил ко мне. Исполнительно бросила тушку мне на правый берец и села, преданно уставившись в мои глаза своими желто-коричневыми.

– Умница моя! – погладил я ее. – Ты не сердись на него, он же у нас молодой совсем дурачок, да и не охотник вовсе. Зато охранник хоть куда.

Конечно, брать на охоту алабая не имело смысла, да и неправильно. Но и бросать кипящего энергией молодого кобеля одного в вольере на пару дней мне казалось жестоким. К тому же Табак очень быстро уловил правила этой, само собой, на его взгляд игры – пока в схроне засаду на уток устраиваем и сама стрельба, он у УАЗИКа сидит смирно тише воды, ниже травы. А вот когда уже Махорка собирать дичь начинает, тут уж ему можно поскакать и повеселиться вволю. И, кстати, он на лету ловил, и на его счету тоже была пара найденных подранков. Это для меня святое дело на охоте – покалеченную живность за собой не оставлять. Подбил – так ищи до последнего, не ленись и не оставляй на медленную и жестокую смерть.

– Так, ребята, давайте уже о траву оботритесь, и выдвигаемся, – приказал я. – Домой пора, нагулялись вволю, и дичью заняться надо, чтобы не пропала зазря.

Собаки послушно сорвались с места и понеслись подальше от берега в высокую, уже пошедшую к осени в желтизну траву и принялись там возиться, валяя друг друга и выпуская последний пар. Ничего, в этом году мы только второй раз выезжаем, а ближе к холодам каждые выходные станем, не будут засиживаться.

По дороге домой встретил лесника нашего, Петьку Соло-

монова.

– Чё-как? Не пустой? – спросил он, не вылезая из своей «Нивы».

– Нет, с добычей. Проверять-считать будешь?

– Да иди ты! – махнул он на меня досадливо рукой. – Тебя я еще не проверял. Скажи лучше – не слышал кого сильно палящего неподалеку? А то на днях какая-то сволота свинью с семью поросятами постреляла. И главное, паскуды такие, у всех только ляжки задние срезали, а остальное кинули.

Вот ведь гнусь какая! Знаю я, что многие охоту в наше время атавизмом и даже зверством считают, но, по мне, мужик, который ни разу в жизни сам, своими руками мясо не добыл, вроде как и не пожил нормально. Но одно дело – добрая охота, по всем правилам и без лишнего вреда природе, а совсем другое – вот такое скотство. Какой же мразью надо быть, чтобы мать с молодняком побить, да еще, считай, для баловства, только куски повыхватывать. Да ни один зверь так никогда не поступит!

– Нет, не слышал ничего, один я в округе вроде шумел. Тебе, может, с облавой на этих тварей помочь? Ты скажи, я пойду, и мужиков еще поднимем. За такое руки по локоть поотрубать надо у*бкам.

– Эх, толку-то от облавы той, Илюха, – махнул снова рукой Петька, уныло скривившись. – Ну поймал я одних на той неделе, лосиху беременную застрелили. Ну и чё? Они мне в рожу корочками эсбэшными и депутатскими ткнули, на хер

послали и дальше разделявать ее стали. Сказали, еще рот раскрою, и самого завалят и скажут – типа, несчастный случай на охоте, и ни хрена им не будет. И чё я им сделаю? Развелось их, господ новых, чинуш да бандюков вперемешку. Постоял, обтекая, и дальше поехал.

– По закону с такими ничего не добьешься, – вынужден был согласиться я и не продолжил, хоть на языке и вертелось, что с такими надо не по закону, которым они подтираются, а по справедливости. Но не болтать вслух на всех углах, а делать надо молча, да так, чтобы концов не нашлось потом.

Уже на подъезде к поселку, километрах в десяти, ожил мой телефон. Надо же, а я его кинул в бардачок да и забыл, как выехал, думал, сел давно, а он жив. Потянулся, нашарил, только и успел увидеть на экране «Гром», и этот гад сдох. Телефон в смысле.

– Твою же налево! – ругнулся и прибавил газу.

Сто процентов, Никитос или сам ко мне решил нагряться, или вместе с мужиками еще. Пиво-баня-водка, посиделки, короче, а я сам не дома, еще и телефон сдох. Он со своими и так не частыми, раз в полгода где-то, наездами оставался почти единственным моим нормальным кругом общения до последнего времени. Ну за исключением здрасти-досвидания с соседями. Одичал я практически за эти пять лет, но не тяготило это ничуть. Наоборот, хоть и рад был ему и бывшим сослуживцам, но все равно каждый раз потом внутри ныло, и спать опять не мог, километры десятками вы-

шагивал по лесу, выгоняя это из себя. Вот, правда, с месяца четыре как ко мне молодежь ездить стала, Антон с Лизаветой. Те самые, что сюрпризом на пасеку ко мне вылезли избитые и в драку лезть готовые друг за друга. Хорошие такие и влюбленные, видно, до полного одурения. Я это в них еще тогда, в мае засек, хоть Лизка-оса и фыркала и нос задирала все, вся из себя вольная птица. Балбеска, ну чисто как Табак мой. А сейчас приезжают, она поутихшая, к Антохе льнет, смотрит уже совсем по-другому. Не бритвой будто от себя всех отхреначивает, а просто, по-нормальному уже. Оттаяла девка-то. У меня от них тоже сердце щемит, но по-другому, не расшатывает, не берedit. Они мне о моих хороших моментах напоминают, о том, что было до всего дерьма в жизни.

Вошел в дом, поставил телефон на зарядку, сам в душ и, только когда вышел, запустил его и хотел набрать Громова, но он опередил меня.

– Горе, да где тебя носит? – как-то очень хрипло против обычного спросил он. Заболел, что ли, или опять вчера гулеванил до синевы и песни горланил? Он это дело любит.

– Да я в лесу был, вот только прибыл домой. У тебя срочное что? Подтянуться хочешь?

– Несчастье у нас, Илюха. Командир наш помер. Сегодня в два хоронят.

– Петрович? Помер? – дошло до меня не сразу.

Понятное дело, что своих уже похоронено немало. Боль-

ше, конечно, пока служили, но было достаточно и после, на гражданке. Кто спился, кто разбился, кто руки на себя наложил, а кого и в бандитских разборках постреляли или посадили за то, что они кого порешили. Мало кого из нас, обоженных войной, жизнь-то обычная принимала. Не вливались в нее, все вышвыривало, выдавливало, как земля плодородная из себя камни наверх обычно исторгает. Единицы смогли устроиться достойно, семьи удачно создать, зажить по-людски, спокойно. И наш Петрович был одним из таких везунчиков. Женился сразу же после отставки, дочь растил, в бизнес подался, да так подфартило ему, что прямо зажиточным он у нас стал. Короче, хорошо ведь все у него было.

– Случилось что? – я даже почти не спрашивал, сразу предполагая дерьмо.

– Да такое случилось, Илюха... короче, давай не по телефону. Подтянешься?

– Само собой.

Я постоял, тупо пялясь в стену. Как так-то?

Собак загнал в вольеры, дичь всю из машины вытащил и, все еще пришибленный на всю голову, пошел стучать к соседке.

– На! – забыв и поздороваться, сунул я ей связку битой птицы.

– Ой, дядя Илья, куда столько-то! – изумилась Маринка.

Я ей всегда после охоты, рыбалки подкидывал чег. И как мед качал – тоже. Она, бедолага, одна троих детей поднима-

ет, муж-дебил спился да угробился зимой на тракторе, на лед заехав и провалившись.

– Бери, у меня пропадет все равно. Уезжаю.

– Спасибо, дядя Илья! Мне за собаками присмотреть?

– Если задержусь. Мало ли, – буркнул и повернулся уходить.

– Случилось что, Илья Иванович?

– Случилось, Мариш. Хоронить еду человека, которому жизнью обязан.

Женщина охнула мне вслед и тихо запричитала.

Я глянул разок на себя в зеркало. Опять парадная форма. Опять похороны. Пять последних лет каждый раз единственный повод увидеть себя почти прежним – это чья-то смерть. Погано-то как. А ведь я почти убедил себя, что у меня тоже жизнь наладилась. А оно вон как.

Пока добрался до города, уже настало время ехать непосредственно на кладбище. Громова и остальных мужиков увидел уже у могилы, над которой какой-то высокий чин с грудью в орденах толкал пафосную речь о том, каким был наш Петрович. Самому лет тридцать пять едва ли, по роже холеной видно – если порох он и нюхал, то издалека или на учебных стрельбах, а хрен он там служил с командиром когда-то и знал его хоть немного близко. Классическая такая крыса штабная, зато говорить вон красиво на похоронах уже наблатыкался. Встал просто пока с мужиками плечом к плечу, не время руки жать, и обвел взглядом остальных скорбя-

щих. Напротив у самого гроба две женщины в черном и девочка, лет шесть, дочка командира, похоже. Что-то общее в чертах улавливается. Зачем было ребенк-то сюда тащить? Глазенки вон перепуганные, ресницы белесые слиплись, губешки дрожат. Жметя к боку одной из женщин, видать, она и есть вдова, но за руку крепко держит вторую. Тоже родня какая?

Я посмотрел в лицо первой женщине. Бледная, без косметики, темные волосы едва видны из-под черной косынки. Красивая, но какая-то изможденная, что ли, или перепуганная. Оно и понятно, за Петровичем как за каменной стеной небось была, а теперь все сама. Нарвался на ее пристальный взгляд, и что-то вдруг екнуло внутри. Да не просто екнуло, а как будто встряхнул меня кто, как сосуд с водой пустотелый, и та от этого вся заколыхалась, перемешиваясь и стремительно разогреваясь. Это она из-за шрамов? Или мы знакомы? Точно видел ее, такие глаза вряд ли забудешь. Зеленые-зеленые, а вокруг радужки кольцо цвета ореха. И смотрит ведь так, будто готова через могилу перепрыгнуть и вцепиться, а глаза при этом сухие совершенно, хоть и красные, безумно усталые. Где и когда мы встречались?

Меня аж вдоль хребта изморозью пробрало, и я прямо-таки заставил себя перевести взгляд на лицо второй женщины. Высокая, ярко-рыжая, тонкокостная, но все при ней, вон платьем черным обтянуло-подчеркнуло все добро бабское такое знатное, а еще и заметно округлившийся животик, что,

однако, нисколько красоты ее не умалял. Моя Ритка тоже беременная ходила – глаз не отвести до последнего. Не портило ее, красоты и капли не сжирало, хоть старушки и болтали – мол, когда женщина девочку вынашивает, та ее красоту себе отбирает. У нас так не было. У нас...

Тряхнул головой, изгоняя прошлое, и снова уставился на беременную красавицу. И вот она-то рыдает в голос, и прямо трясет всю, бедолагу... Может, это она вдова тогда? Это что же, Петрович у нас вторым ребенком обзавестись мог, да не успел? Что же ты, судьба, сука-то такая к нам?

Командир меня тогда, пять лет назад на свадьбу приглашал, само собой, как и всех наших мужиков, но я сослался на занятость. Ага, бухал чутка после санатория, никак не отлучиться было. Не готов был в люди выходить и на роже своей изуродованной ловить взгляды. Ведь и сейчас плятятся, а тогда тем более. Кто с сочувствием, кто с отвращением.

А потом мы пересекались в ресторанах на посиделках разве что, так что в лицо супругу я его ни разу и не видел, а он сам не имел привычки некоторых мужиков чуть что фотками своих из бумажника тыкать при встрече. Он в этом смысле своеобразный мужик был. Семья – она там, дома осталась, а мужик за его пределами орел и свободный молодец. Подкалывали меня, бывало, за неприятие этого... Не вспоминать!

Глаза мои будто гравитацией какой опять к первой женщине притянулись, а она на меня все это время смотрела, и не думая оторваться. Бледные ее, обветренные будто, губы

шевелинулись.

«Помоги», – прочитал я по ним так четко, словно она мне в ухо шепнула.

Чего? Моргнул, недоумевая, и, нахмурившись, уставился уже вопросительно. Как раз штабной речь закончил и грянул оркестр. А странная незнакомка осторожным, бесконечно заботливым движением прикрыла ухо лънущей к ней малышке и повторила, не разрывая нашего визуального контакта:

«Помоги нам, пожалуйста».

И вот тут я окинул быстрым, уже совсем иным взглядом всю картину. Девочку, что отчаянно жметя к ней, тогда как беременную не она сама держит за руку, а та за нее уцепилась. И то, что, содрогаясь в рыданиях и то и дело вытирая глаза, незнакомка номер два украдкой кидает очень острые, совсем не рассредоточенные горем взгляды в нашу сторону, будто оценивая степень опасности. И то, что за спинами женщин стоит человек семь мордovorотов в костюмах, мало того, что создавая из себя некий живой заслон между ними и остальными скорбящими, так еще и большинство сосредоточили свое основное нависание именно над попросившей о помощи и девочкой. Так, как если бы не только охраняют от всего извне, но и готовы пресечь попытку к бегству.

Что, на хрен, тут происходит-то?

Глава 3

Я его узнала. Мгновенно. Как только он появился, мелькнув за спинами бывших сослуживцев Якова. Даже не всматриваясь, не гадая ни секунды – он ли или кто-то очень похожий. Невзирая на толпу других мужчин, так же одетых в парадную форму, схожего роста и сложения. Я их будто сразу и видеть перестала. Он стал старше, виски чуть-чуть тронула седина, вокруг выпивших когда-то мою душу глаз лучи морщинок, отрастил бороду, совершенно скрывшую шрам на шее, рубец на лице не бросался в глаза, как прежде, но все равно импульс узнавания ударил меня прямым в разум и сердце, да с такой силой, что почудилось, сейчас просто упаду на спину, как от жесткого толчка в грудь. На мгновение исчезло все: кладбище, люди, пришедшие на похороны, опасность, которая нависла над нами с Ньюской. И эти пять лет, что прошли с той самой ночи. Больно стало так же, как тем проклинаяемым мною все это время утром. Тем утром, когда я, по сути, погибла, оставшись надолго обманчиво живой для окружающих. Опустошенная изнутри и окруженная лишенной его тепла пустотой.

Как же так? Я ведь верила: все забылось, зажило, сгинуло безвозвратно. Но вот он появился, и мне опять нечем ды-

шать, в ушах грохочет зашкаливший пульс, и снова хочется закричать, выпуская хоть часть боли наружу. Боли, что внешне оживила. Ведь если ты и правда умер, то болеть уже нечему.

Однако к тому моменту, когда Илья встал практически напротив, мне удалось справиться с первоначальным болевым шоком, и реальность вернулась. Мне сейчас совсем не до глупых любовных переживаний прошлого, тем более, что реально любовными они никогда и не были. Наваждение. А мне нужно спасти как-то себя и дочь.

Я буквально выдавила прочь вспыхнувшие в памяти неуместные и сейчас, и всегда картинки той близости, которой между нами никогда не должно было случиться, и принялась перебирать в голове все, что слышала от Якова об Илье. Он честный, сильный, верный до маниакальности прямо и очень справедливый. А еще он не общался ни с кем из нового окружения моего мужа, в отличие от других, пришедших на похороны бывших военных, а значит, не может быть с ними заодно. И обязан Якову жизнью. Но ведь ему, а не мне, и захочет ли помочь? С другой стороны, я же о многом не попрошу, нам бы с Нюсью только вырваться и бежать куда глаза глядят. Провались оно, наследство это, пусть все себе эта змея забирает.

Меня передернуло, стоило вспомнить, как я ее вчера на коленях просила нас отпустить, после того как нас с доч-

кой поймали у ограды и притащили назад в дом. Умоляла просто отпустить, позволить исчезнуть. Клялась, что хоть прямо сейчас подпишу все бумаги на имущество и все, что только потребует, пусть только отпустит. А гадина смотрела сквозь меня, холодно улыбаясь и поглаживая свой живот, и молчала.

– Инна Кирилловна, вам лучше уложить девочку спать и лечь самой, – процедила она наконец, когда я выдохлась. – Завтра очень тяжелый день, будет очень много людей, знавших ВАШЕГО мужа очень хорошо, и все должно пройти идеально. Пройти. Идеально. И тогда уже сможем говорить о будущем. Мы понимаем друг друга?

И тогда я поняла. Никуда она меня не отпустит. Ни завтра, ни потом.

Мерзавка, а ведь она мне даже понравилась, когда только появилась в нашей с Яковом жизни. Такая вся собранная, терпеливая, ничего не забывающая, заботливая, просто нахвалиться муж не мог. Таня то, Татьяна это, Таня умница такая, у нее не забалуешь. В документах мигом порядок навела, за тем, чтобы Яков питался правильно следила по моей просьбе, даже периодические запои его помогала мне останавливать и прикрывала перед партнерами и заказчиками. И, конечно, я знала, что муж с ней спал. Но у нас с ним изначально отношения были не те, чтобы сцены устраивать, и он не скрывал своей жизненной позиции, что жена – это дом, уют, забота, ребенок, этим и жить мне должно, затем я нуж-

на, чтобы он себя центром Вселенной дома чувствовал. За то и баловал, обеспечивал, ни в каких просьбах не отказывал. А что у него с кем за пределами дома происходит – не мое дело. Да и не хотела я Якова никогда, а он, несмотря на возраст, аппетиты в сексе имел немалые и это при твердом убеждении, что женский оргазм – вещь мифическая и совершенно бесполезная, так что скорее уж рада была, когда он в загулы уходил. В общем, о лучшей помощнице и он мечтать не мог, и меня все устраивало. Кто же мог знать тогда, что это просто камуфляж, построение засады, из которой эта змея нападет.

– Самое время нам отправляться в ресторан, Инна Кирилловна, – обманчиво заботливо сказала гадина, как только сама процедура погребения закончилась, и отзвучали речи, музыка и залпы. – Девочка уже очень устала.

На самом деле причина была совсем в другом. Бывшие сослуживцы Якова, в числе которых был и Илья, пошли в нашу сторону, само собой, собираясь выразить положенные соболезнования, но мордovorоты, нанятые Татьяной, мигом отсекли нас с Нюськой от них и повели к машинам, в то время как Татьяна встретила мужчин, принимая их слова, как если бы именно ей они изначально и предназначались.

– Да-да, мы вам так признательны за теплые слова о нашем Якове Петровиче! – звенел мне в спину ее голос с надрывом и всхлипами. – Нет, Инне Кирилловне слишком тяжело сейчас. Она не может пока ни с кем общаться. Такое горе, вы же понимаете, еще и ребенок очень устал и напуган.

Она просила вас извинить ее и следовать с нами на поминки в любимый ресторан Якова Петровича, где он любил вас всех собирать. Возможно, там она уже сможет с вами поговорить.

– Была бы охота разговаривать, – донесся до меня негромкий, но отчетливый голос Никиты Громова.

Он редко, по большим праздникам, но бывал у нас в доме. И на свадьбе нашей с Яковом тоже был. И по санаторию я его помню. Весельчак и хохмач, он там относился ко мне хорошо и даже пытался приударить. Но уже на свадьбе отчего-то смотрел на меня волком и даже устроил какую-то сцену во время застолья, сути которой я тогда не уловила, потому что его очень быстро угомонили и вывели остальные гости – бывшие сослуживцы. Позже он вел себя вполне достойно, но все равно косился как-то недобро. А на похоронах я снова пару раз натыкалась на его горящий скрытым гневом взгляд, но сразу же перестала замечать с появлением Ильи.

На Громова зашикали, а я не рискнула даже попытаться оглянуться еще раз на Горинова. Понял ли он хоть что-то? Мне показалось, что да, слишком уж пристально под конец стал всматриваться и в нас с дочкой, и в охрану, и на Татьяну тоже поглядывал очень цепко, хмурясь и будто что-то вычисляя.

Но даже если и понял... что он может сделать против этих лбов здоровенных? Какие у меня варианты спасения? Устроить безобразный скандал прямо на поминках в ресторане? Так они ведь мне рот заткнут прежде, чем хоть кто-то

что-нибудь поймет. И буду я для всех просто впавшей в запоздавшую истерику супругой покойного. Нормальное явление для окружающих, а для этой стервы еще и повод запретить меня в клинику, где мигом превратят в мямлящее нечто невнятное растение, разлучив с Нюской. А дочь ее боялась и сторонилась с самых первых дней, еще когда мы с Яковом, глупые, были рады ее появлению. Она ей не нравилась, и Нюска ее рисовала вечно страхолюдной ведьмой. Чувала своим детским наивным сердечком гниль в этой гадюке, а мы взрослые умные не прислушивались. Мне ужасом до костей пробирало при мысли, что Нюска без всякой защиты окажется в лапах этой паучихи. А ведь чую: если не найду выход – так и будет. Наверняка в этом и состоит ее план.

В ресторане за столом всех рассадили, конечно, крайне продуманно. Илью и остальных старых друзей Якова со мной в разных концах очень длинного стола. Захочешь сказать что-то – нужно чуть не кричать, а что за крики на поминках. Они там выпили, заговорили между собой о старых временах, вспоминая мужа добрым словом. Я же очутилась в окружении людей из последнего периода жизни супруга: партнеры по бизнесу, сотрудники из приближенных, что поглядывали на бывших военных с плохо скрываемым превосходством, а сама Татьяна ровно посередине. Все видит, всех слышит и контролирует.

Я всего пару раз смогла уличить момент, когда она на меня не смотрела, и перехватить взгляд Ильи, посылая в ответ

свой краткий умоляющий.

– Ма, я в туалет хочу, – подергала меня за руку Нюся, и я вздрогнула, потому что и сама собиралась вот-вот использовать этот предлог для ухода из-за стола и одновременной разведки путей к бегству.

Татьяна насторожилась, естественно, сразу, только мы поднялись, и немедленно кивнула паре охранников проводить.

Я мазнула глазами по мужчинам на другом конце стола, успев уловить, что Горинов тоже, кажется, напрягся, но он тут же повернулся к сидящему рядом Громову, продолжив беседу. Все бесполезно, похоже. Нужно рассчитывать только на себя. Вела дочь по коридору и молилась отчаянно, чтобы в туалете оказалось хоть небольшое окошко, в которое мы сможем выбраться. Но едва вошли в помещение, и сердце мое опустилось. Повсюду глухие стены. Выход отсюда только один, и за дверью ждут два послушных жестокой дряни амбала.

Глава 4

– Все, закончил! – поднял перед собой раскрытые ладони Громов, когда на него зашикали со всех сторон. – Горе, я с тобой поеду, лады?

– Лады, – согласился я, пронаблюдав, как ту брюнетку, что пониже, вместе с ребенком едва ли не затолкали в дорогую иномарку. Такое впечатление, что эти тельники ее от снайперов своими тушами закрывают, а не просто до машины провожают. Что происходит-то?

– Гром, а жена командира – та, что повыше или пониже? – спросил его, запрыгнувшего в мою «Ниву» и пристроившись за микроавтобусом, в который загрузились бывшие сослуживцы.

Я и сам уже понял, но на всякий решил уточнить. Уж больно та вторая в глаза лезла всем и указаниями смело раскидывалась. А еще зыркала так, что у меня внезапно весь загрибок дыбом вставал.

– Пониже, с буферами большими которая, зараза такая, – скривившись, практически выплюнул он. – Говорил ведь я Петровичу, с самого начала еще говорил! Но кто бы меня слушал!

Хм... Тогда я его выпада ей в спину неуместного вообще не понял и покосился недоуменно. Никитос тот еще порох

был всегда, но неадекватом реальным никогда себя не показывал.

– Никитос, ты чего? С каких это пор ты на баб кидаешься?

– Я на нее не кидался, Горе, а стоило бы. Хотя бы в рожу смазливую все высказать. Но куда там, ишь ты, охрану наняла какую – и близко не подойдешь. Побежала вон с кладбища как резво, видать, хоть остатки совести нашлись, и в глаза нам стыдно смотреть стало. Ну ничего, я в ресторане все еще выскажу, сколько успею, но выскажу! Клал я на ее охрану, полезут угомонять – самих угомоню.

– Гром, ты мне нормально хоть что-то объяснишь?

– А чего объяснять-то? Это она виновата в том, что Петрович наш так быстро помер.

Я глянул на него недоуменно. Херасе заявы.

– В смысле?

– В прямом. Эта сучка проклятая, с кем свяжется из мужиков – тому прямая дорога в могилу.

– Ты уже тяпнул, что ли?

– Да иди ты! Еще дыхнуть попроси. Ни в одном глазу еще. Говорю тебе – ее вина.

– Гром, ну ты даешь! – я бы расхохотался, будь обстоятельства другими. – С каких таких пор ты в мистическую хрень верить начал?

– С таких, когда она реальными фактами подтверждена стала.

Так, походу, все очень запущено у нас.

– Отсюда поподробнее пожалуйста, – подавив вздох, потребовал я, предвкушая полную фиговию. – Какие такие факты обличают эту бедную вдову? Копыта в туфлях и хвост под платьем, что ведьму выдают?

– Ну насчет хвоста тебе лучше знать, – с отчетливой язвительностью отгавкнулся он. О чем это речь? – А факты заключаются в том, что наш командир уже четвертый мужик, которого эта дамочка схоронила в свои-то неполные тридцать лет.

Заявил и захлопнулся, пялясь на меня с загадочным видом. Клоун, бля.

– Ты паузы многозначительные не делай, Гром, мы не в театре. Гони факты, раз обещнулся.

– А факты, мужик, состоят в том, что первый парень у этой Инки появился еще в десятом классе.

– Ну, она баба красивая, а вокруг же не слепые.

Сказал, и вдоль хребта будто кто теплым дыханием прошелся, отчего в паху оживление случилось. Потому что реально красивая. И не было у меня женщины с весны уже. Но реакция все же неуместна ни капли. Она вдова моего командира, прекратить всякие шевеления.

– Слушать будешь или нахваливать? – огрызнулся друг. – Я не ты, ни за какие коврижки на эту черную вдову не поведусь.

Нет, он совсем берега попутал? Чего за намеки шизанутые?

– Чё болтаешь-то?

– Да видел я, как ты на нее всю церемонию пырился, а она на тебя. Вспомнилось старое? Ты только не будь дураком и опять не сунься. Раз пронесло, второй так не свезет!

Ну это уже вообще ни в какие ворота. Я даже башкой мотнул, авось мне все послышалось.

– Бля, Гром, ты достал, чего городишь? Когда это я к жене командира совался, если до этого дня и знать ее не знал!

– Да как же.... – он развернулся всем телом ко мне и уставился в лицо. Я ответил ему прямым непонимающим взглядом, и его брови поползли наверх. – Опа! Ох*еть, вот это номер! Это ты ее реально, что ли, не вспомнил?

– А что, должен был? – я уже злиться на него начал.

– Хм... – Никитос почесал бритую черепушку. – Ну сам ведь говоришь – баба она видная, лично я, если бы в такую член сунул, то запомнил бы. Но у тебя, видать, по-другому.

– Гром, х*йни не городи! – взорвавшись, я долбанул кулаком по рулю. – Да я сроду к чужим женам не лез!

– А она тогда и не была женой Петровича. Иннушка, санитарочка молоденькая из санатория реабилитационного, не помнишь разве? Я тоже на нее повелся тогда, на вид же огонь-баба, и не я один, да только ты у нас быстрее поспел и на спину ее уложил.

– Да когда такое... – возмутился я и замер, застигнутый врасплох смутным воспоминанием.

Иннушка. Хрупкая девчушка с тихим нежным голосом.

Голубой халат балахонистый, длинная темная коса, глазищи здоровенные зеленые, которые она на меня все время тарасила, стоило где столкнуться. Из-за шрамов наверняка. Это она? Жена командира? Надо же как изменилась. Тогда такая вся была сияющая, что ли, пусть я ее едва ли и замечал. А теперь вид изможденный, будто ей душу кто всю вымотал.

– Да-да, – ехидно закивал бывший однополчанин. – Вспомнил? Как раз в ту ночь, когда ты на утро из санатория взял и сорвался. Видать, жопой почуял, что бежать от этой заразы надо, да?

– Я же бухой был в говно... – пробормотал, не понимая что и чувствую. Смятение дикое однозначно. – Чего было, и как я ее... не помню вообще. Мне, походу, вообще Наташка тогда причудилась, а поутру сорвался не глядя. Еще в бо-мшке плескалось, и глаза еле видели.

Само утро я помнил. Смутно, но помнил. И обнаженную красивую женщину, лежавшую на топчане рядом, вспомнил. Лицо вот – нет. Волосы темные, густые, блестящие на него упали и скрыли. А я прикоснуться и убрать, посмотреть не смог себя заставить, как только осознал, что она – не моя Наташка. Так гадко сначала от себя стало, потом до полупьяного мозга дошло, что нет у меня больше моей Наташки, и еще гаже себя почувствовал.

– Я подумал, что это одна из девок, что вы вызвали, была, – выдавил, охреневая все больше. – Как же я ее... Бля-я-а-а! Надеюсь, хоть не силком!

Неужели я, урод никакущий, на девчонку наткнулся и завалил, согласия не спрашивая. Потому как был в таком состоянии, что хрен что спросить бы мог, а и спросил бы, вот с хера ей соглашаться с ходу? На рожу в шрамах поближе посмотреть?

– Ну, судя по тому, как ее гнуло и мотало под тобой, когда я на вас наткнулся ночью, тебя разыскивая, было все добровольно. Или же ей все понравилось уже в процессе, – заржал Гром цинично, а я скривился. – Да ладно, мужик, претензий же после не предъявила, значит, норм все, зашел ты девушке, как надо. И вышел тоже. А что сам не помнишь, ну так с кем такого не бывало. По нажиралову чего только не начудишь. Главное, чтобы без последствий. И тебе в этом свезло, а Петровичу – нет. Хотя говорил я ему, сразу предупредал.

– Да чего заладил ты, давай объясняй дальше! – воспользовался я поводом сменить тему.

– Не у меня же тут случился момент реанимации памяти. Я и рассказываю. Короче, первый парень у Инки был, но недолго. Прямо на выпускном в школе драка случилась и его убили. Местные мне сказали, что молодняк чуть винцом домашним глаза залил, и к ней другой одноклассник попытался подкатить, мол, нравилась она ему всегда, а тут была не была. Вот и подрались пацаны. Итог – один в могиле, второй на зоне.

– Ну и? – не усматриваю пока никакого криминала со сто-

роны девушки. – Сам говоришь, по пьяни всякое бывает. А тут еще и молодежь горячая и ревнивая.

– Ага, первый раз – не педераст, дальше слушай! Погоревала наша Инка годик, но тут к ней посватался один паренек местный постарше, год только как из армии вернулся. Стали гулять, обжиматься, все как полагается. Месяцок походили, и вдруг парень раз и утонул в тамошней речке-вонючке. Народ уже тогда шептаться начал, что на Инке порча, что ли, какая-то или типа того. Ее мамаша-то тоже двух мужей схоронила.

– Бред какой-то.

– Ну бред – не бред, а только через два года нашелся еще один debil-смертник. Взял и женился на Инке и даже в путешествие свадебное повез на машине к морю. По местным меркам состоятельный был мужик. Короче, к морю он ее повез, а обратно его уже двухсотым привезли. На обратной дороге в аварию попали они. Он на месте насмерть, через лобовуху выкинуло, а на черной вдове нашей несколько царапин всего. В поселке их мухосранском от нее все мужики тогда уже конкретно шарахаться стали, никакими сиськами и мордахой смазливой не подманишь.

Громов дух перевел, а мне вдруг стало так дико жаль эту Инку. Вот бывает же у человека жизнь не складывается – ну никак, и раз за разом хреначит под дых, и она и люди вокруг еще добавляют охотно.

– Вот мамаша ее и пристроила в тот военный санаторий, –

продолжил Никитос. – А чё, прицел-то идеальный. Нас таких раненных, оголодавших да жизнью битых сколько через него проходило. А она смазливая, в глазках прямо слезы сочувствия постоянно, сиськи-жопка такие, что лапы сами тянутся, все при ней, вон и на ласку отзывчивая да щедрая, как ты у нас опытным путем выяснил. По-любому кто-то должен был попасться ей. Наш Петрович и попался. Да конкретно так. Я же ему сразу про то, что она под тебя ложилась, рассказал, когда он нас «обрадовал», что жениться на ней решил. А ему похрен. Сказал мне – «я сразу понял, что она девчонка добрая», прикинь! *бануться можно! Добрая ноги раздвигать по углам, – я резко вдохнул, сжав до скрипа руль. Гром – друг мне, спины друг другу не раз прикрывали, но вот прямо сейчас по зубам ему двинуть край как приспичило. – Я психанул, решил все про нее выяснить.

– Гром, вот не ожидал от тебя! Ходить о бабе сплетни собирать – это днище же!

– А ты рожу не криви, Горе! Это, если про свою бабу грязь пойти собирать, то гаже некуда. А когда за друга и командира, которому жизнью обязан... то это нормально, понятно?! И не сплетни я собирал, умник, а факты и сведения.

– Ага, по бабкам местным, для которых все проститутки и нарики, и мужикам, которым небось не дала, вот и оговаривали.

– Да в жопу иди! Я все еще и по официальным каналам проверил, не лох ведь.

– Не лох, а в порчу или проклятье веришь.

– Какая уже на хер разница, что это, и во что верю! Петрович в могиле, а ему было еще жить и жить. Это для тебя не факт? Он же п*здец какой крепкий мужик был, оглоблей не перешибешь!

– Все мы крепкие-крепкие, но однажды весь ресурс выходит. Причина смерти установлена?

– Ага, сердце. Но я считаю – херня.

– Считай, конечно, но против правды не попрешь.

– Еще как попрешь. Я так все не оставлю. Буду копать. Ты со мной?

«Помоги мне», – беззвучно произносили бледные губы женщины, которой я, выходит по всему, попользовался, словно тварь какая-то. Скот пьяный! Переспал и свалил, не оглянувшись и слова даже не сказав. Кто так поступает-то?

– Давай потом поговорим об этом, – кивнул я на микроавтобус, что уже въезжал на парковку перед кабаком.

– Давай потом, – согласился друг.

– А эта вторая баба-то кто? – вспомнил я фигуристую беременную, что вела себя прям по хозяйски.

– Это Танька же, личная помощница Петровича. Ну и любовница по совместительству. Хорошая такая баба, понимающая.

– Так она от него, что ли... – я сделал жест, изображающий округлившийся живот.

– Да хрен знает. Ты же знаешь... знал командира, он считал, что баб драть надо, а не беседы о них вести. Может, и от него. С Инкой-то у них никак не выходило. Не плодятся, видать, эти самые черные вдовы, ага.

Вот заколебал он этим уже.

– Хорош уже пургу нести, Гром. Дочка же есть вон у них.

– Бля, Горе, ты у нас как с Луны какой-то или глуховат по жизни. Нюська – Петровича дочка, а не общая. Первая-то жена у него в родах померла. Не знал?

– Не знал. Я в чужие дела нос совать не приучен.

– А я вот сую. Конченный, по-твоему?

– Поутихни ты уже, – рыкнул на него при входе в ресторан.

Рассадили нас очень по-умному. Командирская жена с девочкой на другом конце длинного стола в окружении всяких холеных господ в костюмах, нас кучно на противоположном, буфером между нами, походу, тоже кто-то из охраны и Татьяна.

Нет, чую я нутром какое-то дерьмо. И что бы там Никитос ни городил про мистику и черных вдов – не в Инне его причина, но она в его центре.

Разлили, о командире заговорили, все выпили, я незаметно вылил. Впрямую не наблюдал за вдовой, но боковым зрением отслеживал и ее, и Татьяну. И поэтому не пропустил, что стоило только Инне подняться – и беременная тут же встрепенулась и распоряжение какое-то охране отдала. Не охрана они, а, очевидно, надзиратели и тюремщики.

И вот с этим, а не с домыслами дебильными точно разобраться надо кровь из носу.

– Гром, слушай меня и ни о чем не спрашивай. Только башкой кивни, если подписываешься, – очень тихо сказал я другу, незаметно выживая из кармана ключи от «Нивы».

– С тобой я на что хошь подпишусь, – с ходу ответил друг.

– Мне нужно выйти, Никитос, но так, чтобы всем вокруг было не до этого.

– Понял. Когда?

– Сейчас. Позже все объясню.

Гром кратко зыркнул и резко поднялся. Схватил ближайшее к нему блюдо и запустил им в противоположный конец стола в сторону презрительно зыркающих на нас костюмов.

– Слышь, ты, х*йло мордатое! – заорал он, нарочито покачнувшись. – Какого хера ты на меня пыришься так, а, гондон штопаный! Я в горячих точках кровь свою лил, а вы тут сидели и жирели, клещи бл*дские.

Народ повскакивал, наши кинулись уgomонять Громова, он всех раскидывал, остальные гости на всякий случай от стола шарахнулись – хаос полный. И я им воспользовался, чтобы торопливо, но не палясь, проскользнуть в тот коридор, куда ушла вдова Петровича с ребенком в сопровождении двух громил.

Глава 5

– Маа-ам, а когда мы уже к бабе Вале поедем долго на поезде, как ты обещала? – тихонечко спросила меня Нюся, пока я приводила в порядок ее одежду, опустившись перед ней на корточки.

– Манюнь, я... – не знаю, случится ли это вообще? Себя порву, но добьюсь этого? – Я пока точно не знаю, но думаю, очень-очень скоро.

Ответила, а поднять глаза на ребенка не решилась и только вздрогнула, когда из-за дверей туалета донесся неясный шум, как если бы в кафе внезапно стали отмечать веселую свадьбу вместо поминок. И еще раз, гораздо сильнее, когда Нюся обхватила мои щеки странно прохладными ладошками и заставила-таки взглянуть ей в глаза. Яркие, голубые-голубые, сейчас так ставшие похожими на отцовские, потому что внезапно утратили пронзительную детскую безмятежность и восхищение миром вокруг, что жили в них совсем недавно. Нельзя, нельзя чтобы так случилось! Ей же всего шесть! Слишком рано для жестокости реальности, еще возраст сказок и чудес.

– Ма, это нас противная Танька не отпускает, да? – с детской непосредственностью спросила напрямую дочь.

– Манюнь, ты же знаешь, что нельзя взрослых людей так

неуважительно называть, – попыталась я спрятаться за тонкой вуалью строгости.

– Это хороших людей нельзя, – разбила мою строгость своей дочь и продолжила, умильно хмурясь с «какая же ты недогадливая» видом. – А плохих надо звать, как заслужили. Папа так говорил. Разве не помнишь? «В лоб лупи всю правду!» – попыталась она скопировать его тон и голос, заставив тоскливо сжаться мое сердце. Вообще-то Яков обычно не такими выражениями пользовался, смягчал только в присутствии дочери, да и то не всегда в последнее время. Эх, Яков-Яков, был ты нам опорой и защитой, да подлость и отраву тебя подточили-подкосили, а я ничего поделывать и не смогла. Опять виновата, опять в эпицентре горя и потери. – А Танька – плохая, вообще гадкая и тебя обижает, я знаю. Думаешь, я глупая и мелкая еще? Ага-ага! Я всегда видела, как она и на папу, и на тебя смотрит, когда вы не замечали. В зоопарке помнишь ту страшную удавку?

– Самку удава, – шмыгнув носом и с трудом удерживая готовые сорваться слезы, поправила я дочь.

– Ага, ее. Она тоже вся какая лежи-и-ит, спи-и-ит как будто, а сама смотри-и-ит у-у-ух как страшно. Но ты не бойся, мам, у нас все хорошо будет.

– Конечно, будет, – закивала я и тут же вырвалась из плена маленьких ладошек, услышав снаружи голос, от звучания которого мое сердце снова расширилось и заскакало так, что в глазах от удушья на пару секунд потемнело.

– Да ладно, я подожду, – сказал спокойно еще невидимый мне Илья, явно на какое-то замечание от моих надзирателей, уловить которое не успела.

– Вернитесь, пожалуйста, в зал, вам сообщат, когда освободится, – недовольно проворчал один из них.

– А мне не в удобства, мужики, мне бы с Инной Кирилловой парой слов перекинуться, мы же с ней старинные знакомцы. Поняли, да? – мужчина явно нарочно заставил это прозвучать немного двусмысленно.

– На данный момент это невозможно. Вернитесь за стол.

– Чего это невозможно? Сейчас дождусь, и поболтаем. Она же теперь не мужняя жена, зато в самом соку. А за столом больно народу много. Лишние уши, и все такое.

– Вернись за стол, урод! Ты чё, х*ево всасываешь, что тебе... – не выдержав, агрессивно зарычал второй надзиратель и тут же охнул, что-то явно тяжелое бухнуло в дверь с обратной стороны.

– Ах ты, сука! Тре... – попытался закричать второй, но сразу захлебнулся, болезненно вскрикнул, и послышался новый звук падения.

Я схватила Ньюску за руку и шагнула к выходу, потянувшись открыть защелку, но хлипкая железка звякнула, выдираемая с мясом из полотна, и дверь распахнулась, являя нам Горинова.

– Очень невежливые у вас телохранители, Инна Кириллова, – мрачно оглядев нас, заявил он. – Пришлось их

немного уgomонить, уж простите.

– Не... не мои... – мгновeнно потерявшись в его глазах, проямлила я.

Язык-руки-ноги онемели в единое мгновение, в голове звон-звон-звон, а за ребрами что-то растeт-растeт, дышать одновременно и нечем, и будто напрямую в легких чистый кислород, от которого хмельная мигом.

– Что? – чуть наклонив голову, переспросил мужчина, и я сумела-таки отвесить себе мысленно оплеуху.

– Они мне не телохранители. Скорее уж совсем наоборот, – пробормотала, разом осипнув.

– То есть я верно понял ваши слова и взгляды, и вы были не рады их обществу?

– Их плохая Танька позвала! – подала голос Нюська, опережая и совсем не робко выглядывая из-за меня.

– Вас понял. Желаете покинуть заведение?

– Желая.

Господи, еще как желаю!

– Тогда стоит пошевеливаться, – он шагнул ближе, отняв у меня этим весь воздух, и наклонился к дочери. – Девушка, вы не против проехаться на мне немного с целью ускорить нашу отсюда эвакуацию?

– А? – Нюська на секунду растерялась, но тут же опомнилась и сама практически запрыгнула ему в руки. – Я за! За-за-за! Мам, побежали!

– Инна Кирилловна, идете первой! – приказал Илья и на-

стойчиво направил меня по коридору в противоположную от общего зала сторону, одновременно как-то очень ловко и стремительно умудрившись развернуться и не позволить Нюске заметить валяющихся без сознания охранников.

Я замешкалась, оглянувшись, но его широкая горячая ладонь легла мне на поясницу, побуждая двигаться вперед, так что мы обе: и я, и прижатая к его мощной груди дочь, оказались закрыты его массивным телом от кого бы то ни было, кто мог бы появиться со стороны пришедших на поминки, и остальных мордоворотов Татьяны заодно.

Длинный коридор закончился еще одной запертой дверью. Чуть сдвинув меня в сторону, осторожно прихватив за локоть, Илья высадил полотно одним коротким ударом ноги, что Нюска прокомментировала тихим восхищенным «Ух ты ж»

Мы очутились во внутреннем дворе заведения, и наш спаситель все так же молча продолжил направлять меня до тех пор, пока мы не дошли до угла здания. Неожиданно Илья схватил меня за плечо, останавливая. Коротко глянул за угол, нахмурился и повернулся.

– Инна Кирилловна, дальше нам нужно будет совершить максимально стремительный бросок до моей машины, чтобы выиграть побольше форы. Асфальт там дерь... Эм... На каблуках для вас это будет затруднительно, так что надеюсь на понимание.

– Что? – я подчинилась его повелительному нажиму, ко-

торый развернул меня к нему лицом, а Илья стремительно присел, подставляя свое мощное плечо под мой живот и поддел, закидывая на него.

Легко поднялся, все так же удерживая Нюську у своей груди, как в колыбели, одной рукой, вторую опустил, как припечатал, на мои ягодицы и сорвался с места с такой скоростью, что у меня в глазах поплыло. Потеряв любой контроль над положением в пространстве, я не нашла ничего лучшего, как вцепиться в задние карманы его брюк, судорожно нашарив те под полой кителя. Такое передвижение длилось едва ли даже минуту, но к своему огромному стыду даже в такой момент я не могла проигнорировать то, как ощущалась напряженная работа мышц на его ягодицах. Вот же позорище, Инка! Резкое торможение, и я опять на ногах, голова поплыла, и за спиной так кстати бок авто. Рядом Нюська, тоже уже на ногах. А мое лицо наверняка сейчас пунцовое, и как же хорошо, что можно списать это исключительно на недавнее положение тела.

Илью кто-то окликнул, но он, не оборачиваясь, быстро, хоть и без намека на суету, отпер двери белой «Нивы».

– Девушка, ну-ка рыбкой на заднее! – скомандовал он Нюське, аккуратно подсаживая. – Инна Кирилловна, в салон!

От ресторана закричали что-то снова, и на этот раз Горинев только мазнул коротким взглядом, прежде чем обойти машину и упасть на водительское.

– Ну что, красивые, поехали кататься?! – нарочито весело подмигнул он дочке, заводя двигатель.

– Да-а-а, – немножко испуганно, но все же радостно протянула Нюська, и я перехватила ее горящий предвкушением взгляд.

– Инна Кирилловна, перебирайтесь быстренько к девочке! – приказал он мне, – Возможно, ее придержать нужно будет. Извиняюсь за неудобства, две двери, а двигать кресла – потеря времени.

– Хорошо, – ответила и, не задумываясь, как это выглядит для окружающих и для самого Ильи, полезла к дочери, пока он, не теряя лишнего времени, выводил машину с парковки.

От ресторана уже бежали к нам двое из нанятых Татьяной секьюрити. Илья развернулся с визгом покрышек прямо перед ними, один даже кулаком успел садануть по двери багажника под испуганный взвизг Нюськи, но машина понеслась вперед, быстро увозя нас прочь.

– Держимся крепко, у меня, к сожалению, не суперкомфортная и скоростная машина, но у нее есть ряд преимуществ. Сейчас выберемся в места, куда за нами не полезут на дорогах иномарках, и будем разбираться.

– Илья Иванович, вы нас просто отвезите подальше, а мы сами потом, – отмерла я наконец, придя в себя от всего произошедшего.

– Инна Кирилловна, возьмитесь покрепче за поручень

и девочку страхуйте. Потрясет чуток, – велел он, не взглянув в мою сторону.

Нива резко свернула, через минуту еще, и еще раз, несясь по каким-то проулкам. Я примолкла, решив не отвлекать. Еще несколько поворотов, короткий рывок по одной из широких улиц, опять свернули, начав нырять в сквозные проезды и узкие улочки. Мы явно каким-то чудом так быстро смогли переместиться из практически центра города на его окраины со старой одноэтажной и такой путанной застройкой, в которой заблудиться – как нечего делать. Еще через минут десять начались какие-то стройки, стало очень трясти, и сколько ни оглядывалась, преследователей увидеть не удалось. Дорога совсем испортилась, машину начало раскачивать из стороны в сторону, как корабль на волнах, здания вообще пропали, вокруг только кучи щебня, кирпича, песка и строительного мусора. Сотовый Ильи начинал звонить несколько раз, но он на него не отвлекался.

– А мы куда? – наконец отважилась я спросить.

– Потерпите, сейчас карьер местный проскочим и через полчаса за ним опять на нормальную трассу выскочим.

– Хорошо, – нервно кивнула я, гадая, что же делать дальше. – Спасибо вам, Илья Иванович. Мы там уже дальше сами.

Заявила так решительно, а сама вся съежилась, не представляя, как и что смогу прямо тут и сама.

– Я это уже слышал. Не принимается.

– Что, простите?

– Оставить вас с ребенком на трассе. Не принимается. Это первое. Я должен разобраться, во что ввязался. Второе. Мы добираемся до моего дома, и там вы мне все спокойно объясняете, – он говорил это абсолютно невозмутимо, не отрывая пристального взгляда от ужасной дороги.

Внезапно меня накрыло паникой, как будто, вырвавшись из одной неволи, я с ходу влетела в новую.

– Послушайте, Илья Ива...

– Просто Илья, – обрубил он.

– Тогда и вы меня зовите Инной. Так вот, Илья...

– Инна, никакие ваши возражения сейчас мною не будут приняты ко вниманию, поэтому не нужно и пытаться, – сказал это так похоже на то, как говорил иногда Яков. И опыт жизни с ним вынудил усвоить: как он сказал, так и будет. Без вариантов.

Вот только этот мужчина мне не законный супруг. И я ему, конечно, очень благодарна за все, но это не повод помыкать и решать за нас с дочерью. Откуда мне знать, что у него на уме?

– Но с какой стати? – постаравшись проглотить охвативший меня протест, спросила его.

– Деньги покажите! – неожиданно приказал он, коротко глянув раздраженно.

– Что?!!

– Покажите мне деньги, на которые вы с девочкой соби-

раетесь куда-либо добратся, если я выполню вашу просьбу и высажу посреди нигде на трассе.

– Не обязательно нигде. В каком-нибудь ближайшем населенном пункте.

– У вас в Гундарево есть знакомые или родня? – я устала на него недоуменно. – Ближайший населенный пункт, что нам попадется, называется Гундарево. Так что, есть у кого там остановиться на ночь глядя?

– Нет, но...

– А документы вы, очевидно, тоже прячете в каком-нибудь корсете, или как там эти женские штучки называются? – зыркнул он специально на мои пустые руки.

– Нет, – призналась, проглотив свое возмущение. – У меня их нет.

– Значит, едем ко мне и нормально устраиваемся на ночь. Тем более, я не намерен остаться в неведении относительно всей этой крайне странной ситуации, так что у вас один выход – все рассказать. А там уже станем разбираться, что делать. Куда, кого и с чем отпускать, а кого держать и не пущать.

– Нам с мамой Танька папина плохая уехать не дает! – видимо, чутко уловив мое состояние, Нюська воинственно подалась вперед. – Она злая-презлая, как Баба Яга, и мама из-за нее плакала! Я как возьму большую палку и как тресну эту Таньку и ее страшных дядек, чтобы маму не обижали! Всех тресну за нее!

– Воинственная девушка, а можно это я всех тресну вместо вас, если уж будет такая необходимость? – усмехнувшись, покосился на нее Илья.

– Почему это?

– Я большой и могу треснуть сильнее.

– Ну... ладно. Тресни. А потом мы с мамой сядем на зеленый поезд и поедem далеко-далеко, к бабе Вале.

Глава 6

На момент активных действий мой мозг вопросами «на кой черт встречаю?» и «почему действую именно так?» не озадачивался. Когда процесс запущен – все внимание должно быть задействовано для эффективного выполнения поставленной задачи. В моем случае – освобождения командирской вдовы и дочери от явно навязчивой и нежеланной опеки охраны, что была нанята третьим лицом и без их согласия. Подобное однозначно противозаконно. Но уже по факту свершившегося побега осознание создавшегося положения все же посетило меня. Ведь со стороны все выглядело как похищение мною вдовы и ребенка, причем, внаглую прямо с поминок. И Громов названивал мне так настойчиво, наверняка желая спросить, «какого х*я вообще?!»

А у меня-то четкого ответа пока и не было. Я всяких непоняток терпеть не могу, так что невзирая на явное недовольство самой Инны, ответить ей на мои вопросы придется. Потому как это ее желание рваться куда-то без денег и документов, лишь бы сбежать, выглядит подозрительным, мягко выражаясь. За каким бы чертом бежать куда-то, по словам девочки, «далеко-далеко», вдове весьма состоятельного человека, каким и был на момент кончины Петрович? И что это за властная Танька, что позволяет себе хозяйское поведе-

ние? Ну ладно, была она помощницей командира, фиг с ним, спал он с ней, тут командир у нас был настоящим мужланом, армейский сапогом, с чисто потребительским отношением к месту бабы в жизни мужчины. Он не стеснялся всегда впрямую говорить нам, особенно подшофе, что жена, она жена и есть, дом блюсти, детей обихаживать да самого его, то бишь – хранительница очага, к которому любой нормальный мужик все равно возвращается, где бы ни рыскал. А остальные бабы... ну они остальные и есть, они у нормального мужика типа имеют место быть всегда, как раз потому что мужик и нормальный. А такая чушь, как какие-то там бабские чувства по поводу отведенного или доставшегося в этом положении вещей места его ничуть не занимали. Яков Петрович у нас был человек в этом смысле той самой пресловутой «старой закалки», у которых главный лозунг – «бабам слова не давали».

Но вот тогда получается полная белиберда. Жена – Инна, а ведет себя по-хозяйски какая-то левая Татьяна еще и обижает законную супругу, по заявлению дочери. Да хрен подобное командир позволил бы! Потому как опять же, смотри выше – жена, она, конечно, должна понимать и терпеть, но она жена законная, а любовница и помощница ей ни разу не чета. Но на пустом месте так наглеть женщина не стала бы, значит, почву под ногами имеет какую-то, опять же беременна она от кого?

Короче, разбираться во всем надо однозначно.

Погоня нас потеряла и отстала еще в городе, но я все равно поглядывал в зеркала, а потом и вперед на трассу, пока тряслись к ней. Но ничего похожего на перехват не наблюдалось, так что, немного выждав, я вырулил на асфальт. Посмотрел в зеркало заднего вида на своих пассажиров. Еще недавно они тихонько разговаривали, а теперь примолкли. Девочка устроила пушистую головешку на коленях у Инны, которая нежно поглаживала малышку по волосам. Внезапно я нарвался на взгляд ее поразительно зеленых глаз в отражении и буквально порезался о него. Опять по нервам рванул шокирующий импульс, прошивший от макушки и мигом вздыбившегося затылка и выстреливший в пах да и застрявший там по большей части, хоть и до ступней докатилось. Долбануло так, что я себе чуть язык не прикусил, сжав зубы, и вынужден был заерзать на сиденье. Ну не поправлять же в открытую, в самом деле, налившийся с какого-то хера за пару вдохов тяжестью член, что сразу начал причинять массу неудобства. Очень, бл*дь, все это сейчас уместно! И сама эта моя реакция на женщину и необходимость бороться с этим безобразием и терпеть реально болезненные ощущения. Самое же время и место напомнить о своем у меня существовании, мудила лысоголовой!

– Ка... – из горла вырвалось хриплое карканье, и пришлось его прочистить. – Как вы?

Надеюсь, она ничего такого в моих глазах голодных не заметила? Вот же позорище будет-то! И так вон вся напряжен-

ная, а тут еще заподозрит, что я... Что, бля? Бросился помогать, потому как рассчитываю на расплату в виде повторения той ночи? Вполне может ведь надумать. Это ведь я, козлик похотливый, отстрелялся тогда и ни черта, пьянь поганая, не помню. А она ведь... Помнит? Все? Ей было действительно хорошо со мной, как Громов болтал, или и помнить там нечего? Что я мог-то, ужратый в говнище?

Снова придушило стыдом, и я постарался больше глазами с ней не встречаться.

– Нюська заснула, – шепотом ответила мне женщина. – Она так устала и перенервничала. И можно на ты.

– Хорошо, – согласился я. – А ты нет?

– Я... за последнее время, похоже, привыкла жить в таком состоянии, – ответила она еще тише, как если бы и не очень хотела, чтобы я ее услышал. – Вы... Ты хотел что-то выяснить?

Я открыл рот, но тут же и закрыл. Сука, а я ведь не знаю, с чего начать. С извинений за прошлое? Или это прям днище будет, напомнить о такой женщине, да еще и признаться, что ничего не помню. Типа и не было этого эпизода для меня, высморкался и не заметил. Говорить стоит только об актуальной прямо сейчас ситуации? Но тут тоже с чего начать? Потребовать выкладывать все как есть? Право какое имею? Спросить первым делом про эту Татьяну? А не пошлет ли Инна меня? Какой женщине приятно откровенничать о левых связях мужа. Да и стоит ли считать достоверными сведе-

ниями те, что сообщит одна соперница о другой? Когда это бабы-врагини не пытались демонизировать оппоненток.

Вот ведь фигня какая, я уже и забыл, каково это – сомневаться и выбирать слова и темы в обществе женщины. Потому как это общество в последние годы и приключалось у меня крайне редко, да и женщины были не для разговоров. Видать, потому и реакция эта дебильная вылезла. Еще и Гром, гад такой, напомнил о стыдном и интимном, а этим и воображение, что у меня есть, оказывается, разбередил. Вот теперь седи, Илюха, и давайись виной и похотью напополам и попытками вспомнить подробности извилины сворачивай, себя же этим распаяя все больше.

– Успеется, – мотнул я головой. – Разговор серьезный, не на пять минут, и за дорогой мне следить нужно, а вам... тебе – дух перевести, успокоиться и отдохнуть.

– Спасибо тебе, Илья. За то, что спас нас.

– Ну, прямо-таки и спас. Всего лишь увез.

– Этим и спас. Нас бы добровольно не отпустили.

Развить тему не позволил очередной звонок сотового, и, глянув на экран, я убедился в том, что характер моего друга Грома ни черта не поменялся – если ему что вздрючилось сделать или узнать, то долбиться он будет с таким упорством, какому позавидовал бы тот самый баран из поговорки. Смирившись, я таки ткнул в зеленую трубку и торопливо прижал телефон покрепче к уху.

– Горе? – вопреки моему ожиданию Никитос не заорал, а,

походу, сначала хотел убедиться, что на проводе именно я.

– Ну? Как там все прошло? – решил и не давать ему шансов развопится я.

На заднем плане у него были музыка и гул голосов, причем подозрительно напомилавший наши обычные сборища, я даже кое-кого из мужиков, кажется, узнал.

– Смотря что ты имеешь в виду, – снова удивил меня спокойствием мало к нему склонный друг.

– Само собой, тот движняк, что я тебя попросил затеять. Никто хоть не пострадал? Всерьез в смысле.

– Я так понимаю, что ты все же дурак, и Инка с девчонкой с гулянки не сами собой рассосались? – не поддался на мой маневр уклонения друг.

– Никитос...

– И прямо сейчас они с тобой? – продолжил он, не слушая меня, и только после моего молчания в ответ рявкнул: – Поздравляю, Горе, ты конченный дебил, бл*дь!

– По какому поводу такое заявление? – не обиделся я ни-сколько. – Что, за нами ментов пустили?

– Кого?! С хера бы?

– То есть шум поднимать не стали? А обо мне кого-нибудь расспрашивали?

– Да что за при*бнутые вопросы, Илюха? Тебя что, эта паучиха уже покусать успела? Кто и кого о тебе пытаться должен был?

– Татьяна и охрана.

– Ясно, походу, ты диалог со мной вести не намерен. Допрос у нас, сука!

– Гром, не бесись. Я все объясню, когда сам все понимать четко буду, а пока мне информация нужна.

Никитос гневно посопел в трубку, но сдулся.

– Танька и эти до х*я деловые люди в черном съ*бались, как только я кипеж устроил. Ну, может, плюс-минус минут через пять после тебя, – ответил он уже гораздо спокойнее. – Они даже встревать и разнимать драку не стали, просто свалили и все. Зато те гондоны в костюмах развонялись вовсю, типа с такими, как мы, им и за одним столом сидеть стремно. Их личная охрана набежала, помяли мы с ними друг друга чуток, да и свалили они на этом. А мы с мужиками дальше сидим, командира поминаем. И мне теперь п*здец как хотелось бы узнать, с чего это я в глазах наших выгляжу как полный долбо*б после этого психического финта ушами.

Так, шум не подняли типа там «мужики, караул, командирскую вдову похитили» и ментов не привлекли, то есть однозначно никакого официального хода делу давать не собираются. Наоборот, все по-тихому провернуть им надо, выходит.

– Будто это для тебя в новинку, – фыркнул я, припомнив каких только фортелей не устраивал Гром по синьке.

– Да пошел ты! Друг еще называется! Сам замутил что-то, а меня, как лоха, втемную используешь.

– Мужик, не бесись, так надо было. И это... – я покосил-

ся на Инну через плечо, нарвался на ее новый пристальный взгляд и даже головой дернул, вырываясь из мигмом начавшего затягивать в него морока. – В ближайшее время, возможно, подвалют обратно эти парни крепкие и Татьяна, станут обо мне справки наводить. Ты предупреди наших, чтобы про мой дом деревенский не трепали. Пусть вон идут в городской квартире двери целуют, если что.

– Горе...

– Никитос, клянусь, как только мне будет что тебе сказать – я сразу на связь выйду!

– Да хрен тебе, Илюха! Чтобы я тебя оставил в лапах этой ведьмы? А потом и тебя хоронил? Вон, только пересеклись, и ты уже по уши в говне каком-то!

– Да кончай ты это!

– Сам кончай! Я приеду...

– Не вздумай, дурачина! За тобой же следить могут и, скорее всего, будут, как только сложат два и два, и зачем ты бучу в ресторане поднял.

– Что за *банутые шпионские игры, Горе?!

– Ну не еб... дурнее твоих мистических загонов. Все, мужик, на созвоне!

Глава 7

Разговор у Ильи с Громовым вышел явно крайне неприятным, судя по тому, что я успела услышать и какие его взгляды перехватить. Он и до того-то обрывал почти сразу наш визуальный контакт, стоило только пересечься взглядам, а теперь и вовсе избегал на меня смотреть и через плечо, и в зеркало заднего вида.

Первая горячка от самого факта побега схлынула, и я поежилась от начавшего просачиваться сквозь кожу дискомфорта. А что, если у Горинова тоже так? Что, если он уже откровенно жалеет, что вообще связался? Просто поддался импульсу, памятуя о том, что между нами случилось, а теперь не понимает, на кой черт так сделал. А может, именно клякса той нашей близости, после которой он бежал без оглядки, сейчас расплзается пятном в его сознании, заставляя жалеть все больше? Смысл надумывать? Я же и так не собираюсь задерживаться с ним рядом и обременять необходимостью нежеланной заботы, так что, как только обрету хоть какое-то понимание, как действовать дальше, то сразу избавлю его от обузы.

С трассы мы свернули, когда снаружи уже начались ранние осенние сумерки, а в населенный пункт въезжали уже почти в полной темноте и по плохой дороге, где Илье то

и дело приходилось объезжать огромные лужи. Фонарей тут тоже было не густо, так что очертания заборов и домов едва угадывались. Наконец мы свернули, и Горинов заглушил двигатель, и сразу стал слышен громкий собачий лай и подвывания.

– Инна, ты сиди, я сейчас собак уйму, чтобы уже не шумели, и понесем девочку в дом.

Он выбрался из салона, не став хлопать дверью, а только прикрыв ее, и исчез во мраке. А на меня буквально накинудись все пережитые за последнее время страхи, как если бы их только и держало на расстоянии присутствие рядом Ильи. А стоило ему только отдалиться, и они навалились, ядовито шепча пугающе вопросы прямоком в мозг. Что было бы, если бы побег не удался? Что будет, если нас найдут? Что ждет меня впереди? Как нам с Нюськой дальше-то жить? Где? На что? Понятно, что мама не откажет, и первое время можно будет у них с дядей Андреем пожить, но это же не навсегда.

Во дворе и перед воротами из глухого металлопрофиля зажегся свет, отгоняя темноту и мрачные мысли, и вскоре открылась калитка и появился Илья. Пошел к машине и вдруг обернулся, а в круге света появилась женщина. Они остановились, о чем-то говоря, и женщина положила ладонь на его руку в районе локтя, а мне горло будто черной жгу-чей веревкой захлестнуло, лишая нового вдоха. Это его жена? Или близкая подруга, любовница. Я же ничего не знаю

о нем, как и с кем жил. Яков не рассказывал сам, а я нарочно не спрашивала. По нынешним временам разве мог такой мужчина, как Горинов, остаться без женского внимания? Тем более в деревне, где все нормальные вовремя подались достойной жизни в город искать или смолоду женаты, остальные каждый первый – алкаши.

Илья и незнакомка разошлись, и он заглянул в салон.

– Это твоя жена? – выпалила я и тут же испугалась.

– Нет, – лаконично ответил Горинов и, чем-то щелкнув в своем сидении, аккуратно сдвинул его вперед и наклонил спинку к рулю.

– А кто? – Он вскинул голову, сверкнув глазами в темноте. – Я в том смысле, что, может, мы с Нюской не к месту, и она станет на тебя серди...

– Нет, – все так же малоинформативно пресек он мое предположение и протянул руки, подхватывая дочку, и велел: – Голову ей придержи, чтобы не стукнулась случайно.

Я послушалась, потянувшись следом и страхуя безвольно повисшую головенку, когда он осторожно извлек Нюську из машины и встал, дожидаясь, пока выберусь сама. Кивнул мне следовать за собой и пошел вперед. Но на втором же шаге я умудрилась споткнуться и упала бы, не окажись передо мной широкой спины Ильи. Контакт вышел таким внезапным и обширным, как если бы я прижалась к нему сзади нарочно, уткнувшись лицом между лопаток. Горинов замер, давая мне опору, я судорожно вдохнула, безнадежно конста-

тируя, что в голове мигом поплыло от его аромата и ощущения сильного тела под моими ладонями. Отстраниться показалось откровенным издевательством над собой, а мгновенное отрезвление – острой потерей.

– Извини, – буркнула я, все еще стоящему на месте мужчине.

– Осторожнее, у меня тут не асфальт, – ответил он отрывисто и, толкнув калитку, предупредил: – Не бойся, не тронут.

Спросить что-либо я не успела, холодный мокрый нос уткнулся мне в ладонь, заставив вздрогнуть. Здоровенный белый мохнатый пес стоял справа от меня, тыкаясь в руку и виляя хвостом-обрубком. Выглядел он в целом пугающе, но смотрел вроде дружелюбно, в отличие от второй собаки поменьше, что и подходить ко мне не стала. Гладкошерстная и лобастая, она не дала себя толком рассмотреть, зыркнула недовольно, заворчала и после тихого «Махорка, не дури» от Ильи, исчезла в сумраке.

– Она дама взрослая, с ходу не доверяет, – негромко прокомментировал Горинов, и я буквально кожей ощутила в его голосе теплоту и гордость. – А Табак у нас – балбес молодой и слегка неуклюжий, так что просто нужно следить, чтобы не сшиб.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.